

INDOCHINE

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ИНДОКИТАЙ

роман о тайнах прошлого,
которые меняют настоящее

18+

Хелена Хат

Возвращение в Индокитай

«Автор»

2026

Хат Х.

Возвращение в Индокитай / Х. Хат — «Автор», 2026

Что делать, если ты понимаешь, что твоя жизнь — коллекция чужих исследований, а собственная история так и не началась? Элен Мартен отправляется в Сайгон, чтобы вступить в наследство — старый дом, оставленный родственником, которого она никогда не встречала. Но этот дом, пропитанный влажным тропическим воздухом и столетней тишиной, оказывается не просто недвижимостью. Он хранит тайну. Распутывая нити чужой судьбы, Элен впервые начинает распутывать и свою собственную. Роман о том, как прошлое становится компасом, а чужой дом — дверью к себе.

© Хат Х., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Хелена Хат

Возвращение в Индокитай

Глава 1

Есть решения, которые приходят не в момент прозрения, а в обычный будний день, между чашкой кофе и проверкой почты. Они не гремят фанфарами, не требуют немедленного действия — просто тихо входят в жизнь и остаются там, пока ты не примешь их как данность.

Говорят, что каждое путешествие — это возвращение. Но к чему? К тому, что ты когда-то потерял, или к тому, чего у тебя никогда не было?

Перелёт из Парижа длился почти двенадцать часов, с короткой, душной стыковкой в Бангкоке. Элен летела экономом и к концу пути спина ныла где-то глубоко между лопатками, а льняной жакет, который в Париже казался таким правильным выбором — ни слишком строгий, ни слишком расслабленный, — теперь мялся на сгибах локтей и ощущался чужим.

Она задремала где-то над Бенгальским заливом, а проснулась уже на подлёте. Под крылом расстилалось бесконечно расчерченное зелёное море рисовых полей, с извилистыми, почти каллиграфическими линиями рек, и весь этот пейзаж дышал влагой даже с высоты. Она прижалась лбом к иллюминатору и почему-то подумала о матери — как та никогда не любила жару, говорила: «В ней всё становится липким, Элен, даже мысли». И это воспоминание вызвало теплую улыбку на ее лице.

Аэропорт Таншоннят встретил её гулом, жаром и запахом, который ударил сразу — ещё на выходе из самолета, до того, как она успела сделать первый вдох. Жар был, влажный, плотный, обнимающий. Воздух пах одновременно чем-то сладким — цветы, перезрелые фрукты — и в то же время, едким: бензин и нагретый асфальт. Элен шла по гулкому залу прилёта, катя за собой чемодан, и поймала себя на том, что невольно поджимает плечи — парижская привычка делаться компактнее в толпе, — но здесь это не помогало. Всего было слишком много: слишком громко, слишком много тел вокруг, слишком всё другое.

— Mon Dieu, — пробормотала она себе под нос. Так, что никто не услышал.

На паспортном контроле чиновник долго и без всякого выражения разглядывал её лицо, потом документы, потом снова лицо. Она стояла боясь пошевелиться, переживая, что любое движение может выглядеть как нервное. Наконец он кивнул и вернул паспорт.

Такси она заказала через стойку в зале прилёта. Водитель оказался пожилым вьетнамцем — седоватым, сухощавым, в светлой рубашке с коротким рукавом, из тех людей, что кажутся одновременно усталыми и приветливыми. У него было узкое лицо и внимательные глаза, которые смотрели на Элен с тем особым, почти неуловимым интересом, какой бывает у людей, привыкших читать пассажиров. По-французски он не говорил. По-английски — тоже, если не считать «окау» и «yes, yes», которые он произносил часто и, кажется, без связи с контекстом. Элен протянула ему распечатку с адресом — единственное, что у неё было. Он долго щурился, отодвигал бумагу от глаз, приближал снова, шевелил губами — она заметила, как он чуть склонил голову набок, и в этом жесте было что-то птичье, трогательное. А потом его лицо осветилось.

— Aaa! Chỗ này! Sài Gòn cũ!

Она не поняла слов, но почувствовала интонацию — узнавание, почти нежность. Старая часть. Старый Сайгон. Он закивал, замахал рукой в сторону машин, как будто приглашая её разделить его внезапную радость. Она улыбнулась ему в ответ — и они тронулись.

Машина выехала на шоссе, и город начал проявляться — не сразу, а слоями, как проступает изображение на старой фотопластинке.

Элен сидела на заднем сиденье, привалившись виском к стеклу, и смотрела. Где-то глубоко внутри, под слоем усталости и дорожной духоты, шевелилось странное чувство — не страх, не то чтобы предвкушение, а скорее оголённость. Как будто с каждым километром пути с неё сходил, один за другим, все привычные покровы — парижская сдержанность, профессиональная оптика, ирония, — и она оставалась перед этим городом такой, какой не была уже давно: открытой, уязвимой. Она столько раз представляла себе Азию — по книгам, по гравюрам, по рассказам — но реальность не имела с этими представлениями ничего общего.

Сначала были широкие проспекты — в них ещё угадывалась французская планировка, липы вдоль разделительной полосы, дома в три-четыре этажа с остатками колониальной элегантности. Потом проспекты сменились улицами, а улицы — сплошным, бурлящим потоком. Мотороллеры текли со всех сторон, переливались через невидимые границы полос, сходились и расходились, как вода в дельте реки. Они везли целые семьи, коробки с непонятным содержимым, связки цветов, клетки с живой птицей, мешки с рисом — всё это двигалось, гудело, дышало.

Звук был непрерывный — не рёв, а скорее гудение, прошитое гудками, высокими и низкими, и оно проникало в салон, даже если поднять стекло.

Трогуаров почти не было — вместо них бесконечные ряды: пластиковые табуреты, дымящиеся жаровни, горы фруктов, груды ткани, блестящие безделушки, цветочные гирлянды из бархатцев, свисающие с навесов. Всё это кричало, смеялось, торговалось, ело, курило. Запахи наслаивались друг на друга: жареный лук, сладкий гуава, выхлопные газы, благовония из невидимого храма.

Элен чувствовала, как в ней поднимается волна — не высокомерия, нет, скорее растерянности. Она привыкла к Парижу — к его серой сдержанности, к его выверенной эстетике, к тому, что даже хаос там упорядочен, подчинён какому-то внутреннему, многовековому ритму. Здесь ритм был другой — быстрее, громче, настойчивее. Он требовал от неё чего-то, чего она пока не могла дать.

Она закрыла глаза и попыталась отгородиться от шума — не физически, а внутренне, как училась делать в парижском метро: отступить вглубь себя, найти там тихое место и побыть в нём.

И там, в этой внутренней тишине, она попыталась собрать мысли — те самые, что в последнее время жили в ней фоновой жизнью, не отпуская, но и не требуя немедленного ответа.

Нотариус из Хошимина написал ей около трёх месяцев назад. *«...имеем честь уведомить вас о кончине господина Люсьена Мартена, последовавшей 12 ноября 1999 года. Ввиду отсутствия иных наследников по прямой линии, право наследования переходит к вам как к единственной внучке его покойного брата, господина Андре Мартена. Супруга наследодателя, госпожа Линь Нгуен Тхи Мартен, скончалась ранее, детей в браке не было. Наследственная масса включает недвижимое имущество: жилой дом по адресу...»*

Дальше шли детали — адрес, кадастровый номер, просьба явиться лично или прислать представителя. А в самом низу, после подписи и печати, была приписка от руки — видимо, сам нотариус добавил: *«Ключ от дома прилагаю. Дом пустует, но, насколько мне известно, находится в приемлемом состоянии».*

И правда — в конверте лежал ключ. Старый, латунный, с выгравированными инициалами Л.М. Неужели, это не шутка, не ошибка. Где-то на другом конце света стоит дом, который теперь — её..

Она перечитала письмо трижды, хотя смысл был ясен с первого раза. Просто поверить в него оказалось труднее, чем понять.

Элен помнила дедушку — он умер, когда ей было двадцать три. Особенно близки они были в её детство и юность. Андре Мартен, высокий, подтянутый, с серебряной шевелюрой и выцветшими голубыми глазами, которые, казалось, смотрели всегда чуть мимо собеседника — в какую-то свою, далёкую вселенную. Он жил в своей квартире на рю дю Бак, полной книг, карт и старинных предметов: лакированная шкатулка с перламутром, веер из дерева, маленькая бронзовая статуэтка сидящей женщины с загадочной полуулыбкой. Элен, ещё девочкой, любила разглядывать эти вещи — трогать их, улавливать их запах, сандаловое дерево пахло так, что кружилась голова и придумывать про них истории.

Дедушка рассказывал ей об Индокитае. Он прожил там несколько лет в молодости — в двадцатых, кажется, или в начале тридцатых. Его рассказы были странными: не путевые заметки, не описания экзотики, а что-то иное — смутное, пропитанное тоской, которую он явно старался прятать за ровным тоном. Он говорил о рисовых полях на рассвете, о тумане над Меконгом, о вкусе манго, сорванного с дерева, — и голос его на мгновение менялся, становился глуше, медленнее. А потом он замолкал, отводил взгляд к окну и добавлял что-то короткое, почти резкое: «Но это было давно». Или: «Там осталось много такого, о чём не стоит вспоминать».

Она знала — из обрывков семейных разговоров, — что у дедушки был брат. Люсьен. Они когда-то вместе уехали в Индокитай, но потом что-то произошло. Что именно — никто не говорил. Они перестали общаться. Люсьен остался в Сайгоне, женился на местной девушке, но она рано ушла из жизни. А дедушка вернулся во Францию, где тоже женился, прожил долгую жизнь и стал профессором истории восточного искусства в Сорбонне — читал лекции, писал труды о храмовой архитектуре, которых Элен, тогда ещё студентка, не понимала, но которые теперь стояли у неё на полке в парижской квартире. И при этом — ни разу, ни единым словом не упомянул Люсьена при родных. Как будто исключил его из памяти.

И теперь этот самый Люсьен — человек, о котором она не вспоминала годами, если вообще вспоминала, — вдруг стал частью её жизни. Не письмом, не старой фотографией, не семейной легендой за ужином, — а домом. Настоящим домом. Только в другой стране.

При мысли о Сайгоне, воображение рисовало ей не современный Хошимин — шумный, деловой, залитый неоном, — а старый, колониальный, почти несуществующий город из детских снов и дедушкиных рассказов. Индокитай. Одно это слово переносило её в далёкие времена: светлые костюмы, широкие веранды, ставни, прикрытые от полуденного зноя, пальмы вдоль бульваров, названия которых она не могла выговорить, но помнила на слух — как музыку, как заклинание.

Индокитай. В этом слове было всё: и влажный ветер с Меконга, и запах жасмина, и чужая, непонятная жизнь, которая текла там сама по себе, не спрашивая разрешения у Европы.

В этом было что-то странное. Что-то, что не давало ей покоя все эти месяцы, пока она оформляла документы, получала визу, договаривалась об отпуске в университете. Не отпускало ощущение, что: за этим наследством стоит не просто юридическая формальность. Там, в этом старом колониальном доме на окраине бывшего Сайгона, спрятана какая-то история. Возможно — та самая, о которой дедушка не хотел говорить.

Она открыла глаза.

Машина как раз сворачивала с оживлённой улицы, и они въехали в узкую аллею, обсаженную старыми деревьями, кроны которых смыкались над дорогой, образуя зелёный, пронизанный светом тоннель. Уличный шум отступил не сразу, но заметно — как отступает прибой, когда уходишь с пляжа в лес. Сначала стало меньше мотороллеров. Потом исчезли лавки. За

ними стихли голоса. Остались только ограды старых вилл, увитые бугенвиллией — фиолетовой, пурпурной, алой — и глубокий, ровный стрекот цикад.

Свет стал другим. Он ложился на капот машины дрожащими золотыми пятнами, просачиваясь сквозь листву. Воздух — она опустила стекло — вползал в салон медленно, густо, обволакивая. Не тот, парижский, к которому она привыкла — прохладный, прозрачный, почти без запаха. Этот воздух имел вес. Он пах влажной землёй, прелыми листьями, сладким соком упавших плодов и чем-то пряным — может, корицей, может, ещё чем-то, чему она не знала названия. Он касался лица, шеи, проникал под воротник блузки — не обжигал, а мягко, настойчиво обнимал.

Живой. Он был, как живой.

Элен вдохнула глубже, чем собиралась, и на мгновение задержала дыхание.

Таксист что-то сказал на своём языке — она не поняла слов, но уловила тон: удовлетворение, как будто он показывал ей что-то важное и был рад, что наконец-то довёз. Машина мягко остановилась.

Элен вышла из машины. Таксист помог ей с чемоданом — легко, почти галантно, — улыбнулся своей приветливой, чуть застенчивой улыбкой и сказал что-то на прощание, чего она снова не поняла, но что прозвучало тепло. Она поблагодарила его, дала купюру — кажется, больше, чем нужно, но он не поправил, только кивнул и сел обратно в машину. Через минуту такси исчезло за поворотом, и тишина сомкнулась.

Дом стоял чуть в глубине за невысокой оградой из кованого железа, увитой плющом. Два этажа. Цвета выцветшей охры — когда-то яркой, а теперь смягчённой временем до оттенка старой слоновой кости, чуть тронутый желтизной. Ставни — высокие, от пола до потолка, — когда-то были бирюзовыми, но краска облупилась, и теперь они были цвета патины на меди, зеленовато-голубые, с проблесками тёмной древесины под ними. Крыша — черепичная, с мягким, благородным прогибом, какой бывает только у старых домов, много десятилетий дышавших тропической влагой. Арочный вход вёл на веранду, которую поддерживали чугунные колонны в виде стилизованных стеблей бамбука — Элен машинально отметила этот жест колониального ар-деко, заигрывающего с местной эстетикой. Над верандой нависало огромное манговое дерево — раскидистое, явно старше самого дома, с тёмной, блестящей листвой, а под ним, на каменных плитах дорожки, лежало несколько перезрелых плодов, истекая соком.

Элен постояла у калитки, держась за прохладное железо. Дом смотрел на неё. Не угрожающе, не мрачно — а спокойно, выжидающе. Как старый человек, который давно не принимал гостей и теперь присматривается: кто ты, зачем пришла.

Она отперла калитку. Дорожка к дому заросла травой и мхом — каменные плиты угадывались скорее по твёрдости под ногами, чем по виду. Чемодан пришлось нести на весу — колёсики вязли в зелени. Она шла медленно, чувствуя, как влажные листья задевают щиколотки. Ступени веранды скрипнули под ней — не жалобно, а скорее приветственно, как старый слуга, который ещё помнит, как встречать гостей.

Элен вставила ключ в скважину, повернула — туго, с металлическим скрежетом, — и дверь подалась не сразу, а только после мягкого толчка плечом. Дом не уступал, а скорее впускал — по своему усмотрению.

Внутри было значительно прохладнее, чем снаружи. Чувствовалась, та особенная прохлада старых каменных домов, которая не зависит от кондиционеров. Полумрак. Высокие потолки с тёмными деревянными балками. Запах остановил её на пороге — сложный, многослойный, как старая шкатулка с секретом. Тиковое дерево. Старая ткань. Пыль, но не едкая, а сухая и почти благородная — пыль времени. Лёгкий след плесени где-то в углах, не угрожающий, а как напоминание, что дом стоит в тропиках почти сто лет и давно научился дышать

этим воздухом. И ещё — цветочное, слабое, почти на границе восприятия. Может быть, жасмин. А может, что-то другое.

Элен поставила чемодан, выпрямилась и медленно, не торопясь, пошла внутрь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.